

Эдвард Форсет. ПЕДАНТИУС

Сцены из комедии

(Перевод с латыни)

Ключевые слова: Эдвард Форсет, английские «университетские драмы» XVI в., образ педанта в литературе Возрождения.

Первый русский перевод отрывков из латинской комедии Эдварда Форсета «Педантиус» (1581), шедевра жанра «университетской драмы» елизаветинской эпохи.

V. V. ZELTCHENKO

St. Petersburg State University

E. Forsett. PEDANTIUS

(excerpts)

(Translated from Latin)

Keywords: Edward Forsett, English university plays of XVI century, character of the pedant in European literature.

A first Russian translation of the excerpts from Edward Forsett's Latin comedy *Pedantius* (1581), one of the most noteworthy "university plays" of Elizabethan age.

«Педантиус» Эдварда Форсета (Edward Forsett, 1553–1630), поставленный в кембриджском Тринити-колледже в 1581 г. — одна из тех латинских комедий, которые во множестве сочинялись и разыгрывались в обоих британских университетах елизаветинской эпохи; эти пьесы, отдаленные предки современных капустников, так и называются в литературоведении «университетскими». В ее стандартно-непритязательной интриге (влюбленный юноша при поддержке раба и паразита дурачит своего соперника, надутого педанта, выманивая у него деньги) легко заметить влияние как театра Плавта, так и итальянской

буффонады. Однако «Педантиус» — старший современник «Укрощения строптивой» и «Виндзорских проказниц» — интересен в первую очередь не как комедия положений, но как комедия характеров. В центре пьесы — фигуры риторика Педантиуса и философа Дромодота, которые изъясняются цитатами из Цицерона и Аристотеля, сыплют нелепыми этимологиями и не к месту употребленными крылатыми словами, в безмерном академическом тщеславии не замечая, что творится у них под носом. Кембриджская аудитория узнавала в Педантиусе профессора риторики Габриэля Гарвея (1550–1630), хотя перед нами, безусловно, не столько сатира на конкретное лицо, сколько обобщенный комический тип. Насколько этот тип актуален — решать нынешним читателям.

Перевод отдельных сцен из разных частей пьесы выполнен по электронному критическому изданию, подготовленному в 1998 г. Данной Ф. Сэттон (Калифорнийский университет) в рамках проекта «The Philological Museum»¹. Выбирая отрывки для перевода, мы предпочли пожертвовать сюжетом и в первую очередь представить читателю речевые портреты главных героев.

Действующие лица

Кробол — влюбленный.

Понглост — слуга Кробола.

Дромодот — философ.

Педантиус — педагог.

Лудион — ученик Педантиуса. <...>

Тирофаг — нахлебник. <...>

Содержание

Девицу Лидию, служанку старика Харонда, полюбил Кробол, бывший слуга Хремила. Ее же домогается педагог Педантиус. Лидия, отвергнув Педантиуса, отдает сердце Кроболу. Но так как она — раба Харонда, тот требует выкуп в тридцать мин, дабы отпустить ее на свободу. Кробол при помощи хитрости — собственной и своих клеветов — устраивает так, чтобы деньги заплатил Педантиус, а Лидию получил он.

¹ <http://www.philological.bham.ac.uk/forsett/>

Акт I, сцена 3

Педантиус, Дромодот.

Педантиус: Вижу, отцы-сенаторы, что все глаза и сердца ваши ныне обращены ко мне, и полагаю, что вы удивляетесь, судьи — почему в то время, когда столько выдающихся ораторов и славнейших мужей сидят спокойно, то есть не влюблены (ибо у слова «сидеть» есть и такое значение, почему говорится «сидеть в девках»), именно я поднялся со своего места, чтобы полюбить. Что же я — всех смелее? Но решишь кто-нибудь утверждать подобное, и долгих опровержений не потребуется. Или настолько вернее любовному долгу, чем остальные? Но и эта слава не так прельщает меня, чтобы я хотел отнять ее у других. Какая же причина нудит меня сильнее, чем прочих?² Буду краток: все побеждает любовь, и мы уступим любви³. Любовь, сей хищный ястреб, восхитила из гнезда мудрости твоего, Паллада, птенца (это я о себе): ибо подобно стерне, истертой ногами путников («стерня» потому так и называется, что происходит от «стереть»), сердце мое истоптано заботами. Я, я, кто прежде железной стеною стоял на пути сердечных увлечений воспитанника моего Леонида, ныне, признаюсь, сам пригвожден и пронзен мечом и пламенем страсти. Я, кто прежде, в ответ на трехкратный его вопрос: «Что в этой жизни лучше лучшего?» трехкратно же отвечал: «Дикция, дикция и еще раз дикция»⁴, ныне, пожелай он опять спросить меня, сказал бы: «Лидия, Лидия и еще раз Лидия». Так меняются времена, и мы меняемся вместе с ними. Что же, Педантиус, если не можешь того, чего желаешь (разумею: предаться наукам), возжелай того, что можешь (разумею: любить Лидию).

Дромодот: Иррациональная сторона души победила в нем рациональную, что доказывает правоту логической аксиомы, полагающей в отрицании более силы, нежели в утверждении. Но

² Первые слова Педантиуса — длинная цитата из начала Цицероновской речи за Секста Росция (разумеется, кроме упоминаний о любви и фразеологического экскурса).

³ Вергилий, «Буколики», 10, 69.

⁴ Ср. Цицерон, «Оратор», 56.

пора бы уже его и окликнуть. Здравствуй, Педантиус, желаю тебе здорового духа в здоровом теле.

Педантиус: А, Дромодот, «будь благосклонен и добр к друзьям»⁵, как сказал мудрый поэт. Как поживают академические наши приятели? По-прежнему ли в мире вы с горожанами? Я уж и сам подумывал вас навестить и прочесть в риторической школе кое-какие из моих декламаций — которые, как Демосфеновы, пахнут маслом ночных бдений.

Дромодот (в сторону): Пусть лучше маслом, чем притираньями твоей бородачки.

Педантиус: Я тут сложил, сочинил, сварганил не менее трех филиппик, или лучше катилинарий, против необразованного люда. Да что там люда — вернее будет сказать, против стада горожан, враждебного музам. Они живут, и живут не для того, чтобы отречься от своей преступной отваги; нет — чтобы укрепиться в ней!⁶

Дромодот: Не отклоняйся от темы, Педантиус. Ходит слух, что ты влюбился.

Педантиус: «Зла проворней Молвы не найти на свете иного!»⁷ («Молвы» с большой буквы, в конце восклицательный знак.) Я влюбился? Смешно. Сейчас я это опровергну хоть бы даже с точки зрения философической.

Дромодот: Философической? Скорее уж софистической, если тебе угодно отвечать мне столь уклончиво и обиняками. (*В сторону.*) Он понял, что я явился стать на его пути и противиться всякому его встречному умозаключению, и оттого не желает покидать урочищ скрытности, дабы не сбил его с ног аквилон красноречия моего и не разъял на элементарные частицы.

Педантиус: «Молвить или смолчать?»⁸ Однако что это я по столь пустяковому поводу прибегаю к чрезмерной дилемме? Слушай

⁵ Вергилий, «Буколики», 5, 65.

⁶ Цицерон, Первая речь против Катилины, 4. Намеки на трения между кембриджскими горожанами и университетом встречаются в пьесе несколько раз.

⁷ Вергилий, «Энеида», IV, 174.

⁸ Там же, III, 39.

же, Дромодот, я поверю тебе это дело столь же откровенно, как себе самому (ибо друг есть другой такой же)⁹. «Страстью пылаю: теперь знаешь ты тайну мою»¹⁰. Так говорит Овидий, годы жизни которого приходится на эпоху Августа.

Дромодот: Я принес с собою, в ларце моего мозга, изрядный запас опровержительных материй, дабы убавить и охладить непомерное кипение твоего любострастия. Надеюсь, что любовь твоя не есть неисцелимый недуг, какова алчность по определению Аристотеля¹¹.

Педантиус: Увы! Ты не в силах помочь мне ни укорами, ни кореньями, ибо не в лекаре я нуждаюсь, но в лекарице (иногда позволительно прибегать и к неологизмам).

Дромодот: Итак, во-первых, как сказано в «Малой Логике»¹², надлежит исследовать, что есть предмет спора; посему прежде чем диспутировать против любви, определим, что она такое.

Педантиус: Тогда уж сперва определим, что такое диспутировать.

Дромодот (не слушая): Далее подлежат изложению неудобства, от любви проистекающие, и наконец лекарства от нее. Сейчас я кратко пройдуся по этим трем пунктам... <...>

Акт I, сцена 4

Те же и Понглост.

Понглост (в сторону): Хозяин отправил меня из дому, сколько помню, за двумя делами: во-первых, одурачить вон тех двоих с помощью какой-нибудь из моих уловок, а во-вторых, сыскать на рыночной площади некоего Тирофага.

Дромодот: Это еще кто?

Понглост: Да помогут вам боги, благородные господа.

Педант: А тебе, хромой нищий, да исцелят ногу.

Понглост: Вижу, жаль вам меня, честного сердягу, горемычного получеловека.

⁹ Цицерон, «О дружбе», 80.

¹⁰ Овидий, «Героиды», 16, 10.

¹¹ Аристотель, «Никомахова этика», IV, 1121b 13.

¹² Одна из частей трактата *Summulae logicales* Петра Испанского (1226–1227) — стандартного учебника схоластической логики.

Педантиус: Я замечаю, что к нам, людям образованным, нищие тянутся охотнее, нежели к прочим; ибо мы, зная несчастья чело­веков, более сострадательны; и поелику мы сострадательны, все молящие страдалцы к нам притекают.

Дромодот: Ты шляешься без дела и, я вижу, намерен эдак бродяж­ничать; ступай-ка поработай. Взгляни: светила не покладают рук, и движение небесного свода безостановочно.

Педантиус: Что бы тебе не выучиться какому-нибудь ремеслу? Ну вот хоть плотницкому (то есть распутному, так как его название происходит от плотских утех¹³: ибо в сравнении с нашими семью свободными искусствами все прочие суть одно лишь распутство).

Понглост: О достопочтенный господин, я ремеслами сроду не владел. Я ведь, уважаемый господин, хоть и не весь доучил­ся, а все-таки отдал в свое время дань кое-кому из девяти муз. Только уж позабыл все.

Дромодот: Это потому, что ученость не сделалась для тебя нутря­ною природой, а лишь первым приближением или отдаленной потенциальностью. Ибо если бы ты усвоил знания глубоко, а не по мелочи только, то проживи ты хоть столько веков, сколько дуб или ворон, никакие лишения не смогли бы уязвить твое высокоученное нутро.

Педантиус: Ты, очевидно, в науках только губы омочил (согласно выражению)¹⁴, а не впитал их в плоть и кровь, как это свойст­венно нам, ученым.

Понглост: О высокоумудрые жрецы муз, молю, уделите убогому и горемычному от ваших щедрот.

Дромодот: Ты, знаешь, обратись-ка снова к занятиям: так овла­деешь сокровищами истинными и неуничтожимыми. Вот мы — те, кто, как ты прежде, идем по ученой стезе — мы те­перь превратились словно бы в чистые сущности и о подлун­ных благах не заботимся.

Педантиус: Мы обладаем всем и ничем — ибо спокойствия духа у нас в избытке, а денег не водится. Мы ничем не владеем и ни

¹³ Приводить в примечаниях оригиналы всех форсетовских каламбуров было бы слишком громоздко, но здесь мы не можем удержаться: в подлиннике сказано *ars meocheanica*.

¹⁴ Цицерон, «Об ораторе», I, 87.

о чем не радеем: не имея богатства, оно и не жаждем. Посему, юноша, не трать впустую ни сил, ни чернил¹⁵. Ты от нас не дождешься ни крошки: наш достаток — не от слова «достаться», а от слова «достаточно» (на деле, впрочем, «достаток» происходит именно от «достаться», о чем он, конечно, не знает).

Понглост: Чтобы не брать мне в первый раз в жизни греха на душу, умоляю, подайте хоть что-нибудь.

Педантиус: Подаю, но только добрый совет. Вот он: будь «непорочен, чист душою»¹⁶. И ни в каком деле не хромай¹⁷.

Понглост: Э, да вы меня дурачите: а не угодно ли попробовать, востер ли мой клинок? Пожелай я, почтенные мужи, подступиться к вам как разбойник, давно бы обчистил вас хоть бы и противу вашей воли; но все же питаю надежду, что вы раскошелитесь от чистого сердца.

Дромодот: Конечно, сию минуту: вот тебе хоть и немного, но все-таки довольно, чтобы сегодня пообедать.

Педантиус: Обнаружив в тебе как добрый нрав, так и острый ум, хочу тебе помочь, дабы твои желания не расходились с возможностями. Итак, прими какую-никакую сумму (скорее никакую, чем какую, ну да не беда) в залог моего к тебе расположения, и будь доволен.

Понглост: Если бы я не боялся докучать вам долее, то попросил бы еще и на завтра.

Дромодот: Увы! С каким удовольствием я одарил тебя и на завтра, и на всю вечность (каковая, как известно, троякого рода: ибо та ее часть, которая еще впереди, именуется непрерывностью, а та, что уже позади — предвечностью).

Понглост: Ну, тогда этот клинок попросит у вас денег частично спереди, а частично сзади.

Дромодот: Да бери, бери, пожалуйста.

Педантиус: И это, будь так добр, возьми тоже: ибо споспешествовать просящим, ободрять угнетенных, призывать несчастных, даровать избавление — не это ли пристало оратору?¹⁸

¹⁵ *Oleum et operam perdere* — римская поговорка (Плавт, «Пуниец», 332; и др.).

¹⁶ Гораций, «Оды», I, 22, 1.

¹⁷ Цицерон, «Об обязанностях», I, 119.

¹⁸ Цицерон, «Об ораторе», I, 32.

Понглост: Простите меня, если я, человек в этом деле начинающий, обращаюсь к вам, высокие наставники, слишком дерзко: хотел бы я купить себе башмаки, и книжки, и прочее необходимое. Если вы возьмете эти расходы на себя, буду почитать вас моими Меценатами.

Педантиус: Чтобы ты знал, как ты мне полюбился, имей в виду: я не каждому так щедро жалую, ибо не для всех меня нет дома¹⁹. Однако сколько тебе отдам, столько у меня прибудет: держи.

Дромодот: Всякий день претерпевая влияния светил и небосвода, мы тем скорее уподобимся небесной пятой сущности, чем более будем щедры.

Понглост: Ну, осталось попросить вас об одном пустяке: не одолжите ли кошелек, чтобы было куда деньги сложить.

Педантиус: О ненасытимая алчность! О прорва! О Сцилла (она же и Скилла)!

Понглост: Нет, вы уж, пожалуйста, от чистого сердца, а то не возьму.

Педантиус (в сторону): Пропал я, он теперь с меня глаз не спустит. Что ж, прощай, кошелечек, смотри не более, целую тебя и обнимаю. (Вслух.) С удовольствием: об одном сокрушаюсь, что ты, муж толико честный, имеешь нужду в наших деньгах. Дай только выпотрошу из него остатки, и сразу отдам.

Понглост: Ничего-ничего, можно и с содержимым.

Педантиус: Что ж, если не гнушаешься, бери. (В сторону.) Чтоб тебя вместе со всем твоим содержимым боги разразили!

Понглост (разглядывая кошелек): Я его попридержу для праздников — уж больно красив. Не найдется ли у вас такого, чтобы годился на каждый день?

Дромодот: Молю, не обращай сию возможность в действительность, ибо между желанием и осуществлением нет логического перехода. Ей-богу, в тех жалких грошах, что у меня еще остались, заключена вся моя сущность и сущительность.

¹⁹ Искаженная поговорка «non omnibus sum domi» (т. е. «я не всем открываю свою дверь»). Ср. «Разговоры запросто» Эразма Роттердамского (3, 1): «Equidem ut non omnibus dormio, ita non omnibus sum domi. Tibi posthac semper ero».

Понглот: Ученейший муж, позволь мне все-таки тебя упросить.

Заклинаю тебя остротой твоего ума и моего клинка.

Дромодот: Ладно, уговорил: держи.

Понглот: Итак, прещедрые господа, отдали вы мне это добровольно или как?

Педантиус: Разумеется, без сомнения, как же иначе. А ты получил добровольно или как?

Понглот: А займы или как?

Педантиус: «Взаймы» есть искаженное «возьми». Но мы у тебя ничего не возьмем, ибо одарили тебя безвозмездно и безвозданно. (*В сторону.*) Каков мерзавец!

Понглот: Прощайте. (*Уходит.*)

Дромодот: Убирайся, проваливай, расточись на первоэлементы, хромое чучело, ошибка природы партикулярной, интенциям же природы универсальной непричастный вовсе! Чтоб тебе провалиться, о негоднейшая из подлунных сущностей, ибо ты ограбил мужей созерцательных. Пусть, когда ты издохнешь на кресте, тяжесть твоя пригнетет тебя книзу, или нет: пусть прямо на месте иссохнет твоя первожидкость. Как я испугался, что он прободает мечом мою комплекцию! Уж лучше бы мне сегодня выдержать диспут с сотней прожженных софистов, лишь бы избежать смертоубийственных доводов этого негодяя.

Педантиус: Поелику твоей душой овладела «злата заклятая жажда»²⁰ («заклятая» сказано по противоположности, ибо «заклятый» есть обреченный подземным богам), желаю тебе, чтобы все, до чего ни коснешься, обращалось во золото. Ты, возможно, почтешь это наилучшею долей; однако имей в виду, что тогда тебя постигнет участь Мидаса (заодно желаю тебе и ушей как у него), каковой был изнуряем голодом, не умея питаться золотом. Ага! Вот мне и открылось поле, на котором есть где разгуляться красноречию. Итак: о сородственник Меркурия не по речистости, но по вороватости, да изнурят тебя Танталов камень²¹ и его же жажда, да исколесует тебя Иксионово колесо, да увлечет тебя Харон-весельник по волнам Флегетонова Орка

²⁰ Вергилий, «Энеида», III, 57.

²¹ Редкая версия посмертной кары Тантала (Еврипид, «Орест», 4–7; и др.).

за то, что занес свой серп над моею жатвой. Но знай, злодей, что не отнял ты у меня ни безмятежности духа, равняющей с богами, ни учености, ни благоразумия и ни единой из моих добродетелей (как божественно сказано об Атилии Регуле)²².

Дромодот: А меня он лишил моей расточительности — если не в полном смысле, то по крайней мере в отношении действия и орудий оного. Ибо я радикально прочищен, хотя это и противоречит медицинской доктрине.

Педантиус: Ладно, пошли в дом, пока он к нам опять не прицепился.

Акт IV, сцена I

Кробол, Понглост, Тирофаг.

Кробол: Сходи-ка, Понглост, приведи поэта, чтобы вознес моего Тирофага на самый престол небожителей в какой-нибудь там апофеозе. Право же, исключительным своим хитроумием он заслуживает алтарей, жертвоприношений, благоговения и бессмертия.

Понглост: Не угодно ли еще, чтобы я приволок сюда на своем горбу какой-нибудь храм, или уж сразу Капитолий?

Тирофаг: Да будет вам: я всего только смертный, а в сравнении с тобой, продувную бестией, и вовсе чурбан, остолоп, еловая голова.

Кробол: Твоими бы устами мед пить. Увы, этот талант во мне день ото дня иссыкает с отвычки, и я уж не так ловко плету уловки, как прежде. Поток моих хитростей иссох от любовного жара; все пропало; чуть стоило влюбиться — и глядь, вмиг оскудели равнины, где прежде высилась Троя²³. Да что там: я ведь уже ни есть, ни пить не могу, как прежде; огрубел мой желудок, закоснел, закупорился. Боюсь, недалеко до чахотки; ох, ох!

Тирофаг: Стыдно тебе эдак жаловаться: по мне, Кробол, ты прямой счастливчик. Так у тебя все выходит по-задуманному, что хоть с рассвета до заката хлопай в ладоши, прославляя твою удачу, все будет мало.

²² Похвала Атилию Регулу, который в 251 г. до н. э. ценой собственной жизни убедил сограждан не заключать мир на условиях карфагенян, уже в античных школах стала ходовым риторическим упражнением.

²³ Вергилий, «Энеида», III, 11.

Понглост: Что до меня, то если бы даже я стал ненавистен всем богам и людям, если бы пришлось мне низко поклониться кресту (каковой, надеюсь, все-таки ожидает меня как заслуженный венец после стольких тягот)²⁴, если бы пала республика и погибла отчизна — все равно бы ни на столечко не расстроился. Слышь, хозяин, хочешь, испытаем мое проворство?

Кробол (не слушая): Когда помер господин мой Хремил, я было решил, что свободен; но просчитался. Я лишь переменял хозяйина, угодив в рабство куда более тяжкое. Новые оковы надел на меня, несчастного, Купидон. О всевластная страсть, ты сама и жернов, и мельница; палачи твои — страх и надежда, и хлещут они мою бедную душу по очереди. Пришибла, прошибла сердечко мое купидонова палица. Одно утешение — колода, к которой меня привязали мои мучители; за право обнимать ее я охотно позволю засечь себя до смерти.

Тирофаг: Да будь же наконец волен, весел, игрив: враг повержен, твоя комедия выгорела.

Кробол: Это мы пока только разминались; а теперь предстоит битва, и притом тяжелейшая.

Понглост: Если выпадет биться, хозяин, то вот он я — буду тебе заместо всех оруженосцев, щитохранителей и дубинодержавцев.

Кробол: Старик запер мою Лидию вот в этом доме и без выкупа не отпустит. Одним словом, или я оплачу свою любовь, или оплачу. Что ж, настала пора созывать сенат моих замыслов. Проходи, располагайся, Рассудок (ты у нас вроде пожизненно-го Цезаря Августа); а теперь вы, Смекалка и Проницательность (словно бы два консула); дальше пускай займут места Любовь и Ненависть (народные трибуны), за ними Отвага и Осмотрительность (это эдилы, то бишь оценщики), с подручными своими Обманом и Подкупом; ну и, наконец, все всадническое сословие моих хитростей. Судите, решайте, где раздобыть денег, в которых мне нужда.

Тирофаг: А что это ты с таким дурацким видом в землю уставился? Можно подумать, что оттуда не только золото выкапывают, но и умные мысли тоже. Ну-ка подыми голову!

²⁴ Распятие на кресте — позорная казнь рабов — служит в римской комедии неистощимым источником шуток в духе «черного юмора».

Понглот: Тук-тук, открывайте, есть ли кто дома?

Кробол: Что это ты меня сбиваешь, мерзавец?

Понглот: Да вот хочу достучаться до кое-кого из сенаторов, которые там у тебя внутри совещаются. А то они что-то притихли. Видать, уснули прямо в заседании, что твои олдермены.²⁵

Кробол: А не позабыл ли ты, негодяй, что я твой хозяин? Будет тебе от меня за это крест и головотяпка. (*Себе под нос.*) Прошу, великий Цезарь, изложи дело еще раз: пусть сенат его обдумает. (*Словно бы прислушивается.*) Bravo, достойная речь: императору подобает краткость.

Понглот: Ты мне крестом грозишь? Да ведь это моя фамильная усыпальница²⁶. Ха-ха, крестом! Да для меня провисеться — что прогуляться! Эх, хозяин, слез у меня не хватает, на тебя глядя: от любви у тебя мозги облетели и печенки наружу повывлезли. Брось ты эти бабьи мысли и давай уже совершим какое-нибудь геркулесово деяние.

Кробол: Чтоб тебя боги поделом погубили! Из-за твоей трескотни не могу расслышать, что там говорят консулы. (*Невидимым консулам.*) Да-да, прошу вас, продолжайте.

Понглот (говорит за «консулов»): Так употребим же всю нашу доблесть и силы, хозяин, дабы вызволить золото (сей почтенный металл, имеющий немалые заслуги перед отечеством) из темницы, из цепей, из-под стражи скупцов, не желающих делиться! После же натешимся вволю, согреем душу употреблением горячительных напитков (ибо они суть точильный камень доблести)²⁷, не пренебрегая и разминкою челюстей, дабы не поразила их ржавчина. (*Тирофагу.*) Эй, ты, мудрая глотка, аршинное брюхо, что на это скажешь?

Тирофаг: Да ты сам и часу не проживешь, чтобы чего-нибудь не прожевать. А мое брюхо ветром брюхато, не вином. Но будь другом, скажи по-честному: ты вот собираешься в грабители податься — неужели ни капельки креста не боишься?

Понглот: А чего бояться? Все однажды умрем.

²⁵ «Старейшины», выборные члены городского управления.

²⁶ Плавт, «Хвастливый воин», 372.

²⁷ Ср. Цицерон, «Лукулл», 135: «Панэтий говорил, что <...> гневливость — точильный камень доблести».

Тирофаг: Так ведь позорно на виселице-то болтаться.

Понглот: Смотря кому. Александру, Помпею, Цезарю, что мерят свою славу мнением толпы — о да, зазорно. А мое благородство зиждется не на молве, а на добродетелях, и потому никакой позор его запятнать не может.

Тирофаг: Цезарь, прошу, уйми народных трибунов. Что-то они ссорятся.

Кробол: Да уж, отвага в тебе бродит истинно героическая: за такую полагается крест высшей степени с отличием.

Понглот: А по мне так нет ничего постыднее, чем испустить дух на своей постели, так сказать, во мраке забвения: куда почетней умереть открыто, на глазах у сограждан, в окружении рассеявшихся зрителей, чем бесславно в каком-нибудь темном углу.

Тирофаг: Славно рассуждаешь: не хватает только публики да судейских.

Понглот: О, сколь божественней кончина того, кто возносится ввысь и, удалясь от подлунной мрази, причащается небесам: душа его, летя в эфирные чертоги, меньше времени проведет в пути.

Тирофаг: А вот мне вовсе не с руки залетать так высоко: душе ведь все равно суждено томиться в подземном царстве, а дотуда сверху не дольше ли добираться? Впрочем, попробуй, коли хочешь: если у тебя получится, то и я следом.

Кробол (себе под нос): А подручные эдилов, оказывается, могущественнее, чем вся когорта всадников...

Понглот (Тирофагу): Ты духом жидковат, нет в тебе этого, знаешь, врожденного благородства. Ладно, испытаю тебя на чем-нибудь попроще. Как насчет в кости со мной сыграть?

Тирофаг: У меня других дел хватает; и потом, что ты на кон поставишь? Я за твое тело с душонкой впридачу больше обола не дал бы.

Кробол (беседует с «сенаторами»): Как вы сказали? Благодарю. А ну как она не пожелает дурачить его, прикидываясь влюбленной? Нет, не может быть: ведь меня-то она любит непритворно, а иначе не видать ей ни меня, ни свободы. А ну как он не пожелает или не сумеет выложить столько золотых сразу? Ай, не мелочись. Еще как сумеет; и уж конечно пожелает, раз

уж ему без нее жизнь не мила. А если он ее выкупит, как предотвратить их свадьбу? Да вот как: чуть только он отсчитает и передаст нам деньги, разыграем, как будто она умерла: и тогда уж ему ни ее не видать, ни монет. (*Громко.*) Все, дело покончено: сенат вынес постановление. Как решили, так и сбудется. Ну, Тирофаг, прощай.

Тирофаг: Боги в помощь твоим начинаниям; а я пошел.

Кробол: Пойдем и мы, Понглост.

Акт IV, сцена 3

Педантиус, Лудион.

Педантиус: На помощь, люди добрые, спасите, смертные и бессмертные! Так надругаться над учителем изящнейшей словесности! В каком государстве мы живем?²⁸ К чьим стопам мне припасть? Где та скорбь, где тот вопль тоски великой, что равен нашему бедствию? О, если бы восстали из мертвых Минос и Радамант (ибо все прочие боги праздно вкушают свой нектар, меж тем как я, их оратор, предан на поругание)! Внемли, о Минос: минус двадцать мин разом! Хитростью исторгли их у меня, хитростью: каково злодейство! А я-то возомнил, будто достиг счастья! Но, о Солон, Солон, по слову твоему: «при жизни — никто»²⁹.

Лудион: Если бы ты сделался сам Юпитер (и лучше бы не прямо сейчас, а, скажем, позавчера), уж тогда бы он не укрылся от твоих перунов.

Педантиус: А если бы Юпитер сделался вместо меня Педантиус, уж я бы, если бы не отмстил за его несчастья, тотчас сам сложил бы оружие. А как кстати бы было оказаться ну хоть царем: будь у меня (как то царям свойственно) длинные руки³⁰, уж я бы этого убийственного душегубца разыскал и разразил, распростер, ниспроверг. Где он, где? Но поелику я, как тебе известно, оратор, не заклеимить ли мне сего мятежнейшего из граждан двумя-тремя филиппиками, по образцу Цицеронову

²⁸ Цицерон, Первая речь против Катилины, 9.

²⁹ «...не должен называться счастливым». См., например, Геродот, I, 86.

³⁰ Овидий, «Героиды», 17, 166.

и Демосфенову? Ибо не было такого врага отечества, который не объявлял бы войну также и мне³¹.

Лудион: О, тогда бы ты поразил его сильнее, чем это во власти самого Юпитера. Но, молю тебя, не безумствуй толико: ибо земные блага суть капризны, призрачны и презренны, как ты сам же всегда учил.

Педантиус (в сторону): Он бьет меня моим же оружием!³² (*Вслух, наставительно.*) Не потому я оплакиваю утрату денег моих, что я человек; а потому, что человек ученый. А кто грабит ученых, тот отворяет врата всяческому непотребству! <...>

Зельченко Всеволод Владимирович

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Vsevolod Zelchenko

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University
E-mail: vzelchenko@rambler.ru

³¹ Цицерон, Вторая филиппика, 1.

³² Теренций, «Братья», 958.